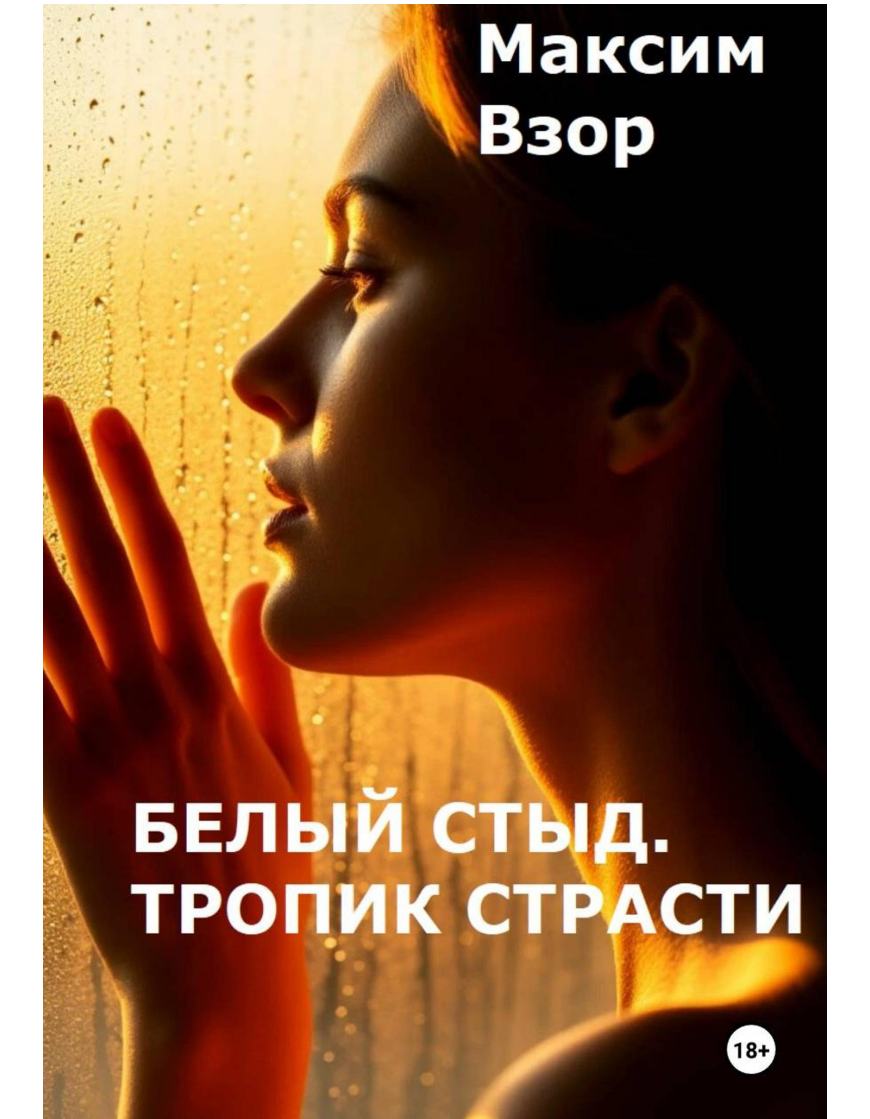

A close-up, profile view of a woman's face and hand. She is looking out of a window with raindrops on the glass. Her hand is pressed against the glass, and the scene is bathed in warm, golden light from the sun, creating a dramatic and intimate atmosphere.

**Максим
Взор**

**БЕЛЫЙ СТЫД.
ТРОПИК СТРАСТИ**

18+

Максим Взор

Белый стыд. Тропик Страсти

<https://litres.ru/74509497>

SelfPub; 2026

Аннотация

Соня Воронова — корректор в издательстве женских романов. Каждый день она расставляет запятые в чужих страстях, правит чужие стоны, следит, чтобы «он вошёл в неё» не повторялось дважды на странице. О сексе она знает больше любого порнорежиссёра. Но о себе — ничего.

Её тело — плохой сосед за тонкой стеной. Она носит серые водолазки с высоким горлом, не выносит случайных прикосновений и панически боится чужого тепла. Мама называла это «совестливостью» и завещала беречь. Соня берегла. Довела до того, что в двадцать девять её касались только врачи...

Максим Взор

Белый стыд.

Тропик Страсти

1.

Соне было двадцать девять, и о сексе она знала больше, чем любой порнорежиссёр.

Она работала корректором в издательстве «Ласточка», которое выпускало женские романы — те самые, с матовыми обложками, где нарисована спина женщины в летящем платье и размытое море. Каждый день Соня читала чужие постельные сцены. Правильно расставляла запятые в чужих стонах. Следила, чтобы «он вошёл в неё» не повторялось три раза на странице.

«Он вошёл в неё медленно, чувствуя, как она дрожит».

Соня пометила красным: «дрожит» — дважды в абзаце. Предложила «трепещет». Трепещет — красиво. Трепещет — безопасно. Трепещет — это не про неё.

Про себя Соня знала только одно: её тело — это плохой сосед. Такой, с которым ты вынужден делить стену, и он слушает громкую музыку в три часа ночи. Ты его не выбирал. Выселить нельзя. Оставаться — тошно.

Мать называла это «совестливостью». «У тебя, Сонечка, совесть большая, — говорила она, поправляя Соне ворот-

ник, который и так был застёгнут. — Это редкость сейчас. Береги её». Соня берегла. Довела до того, что в двадцать девять её трогали только врачи — терапевт раз в год, гинеколог раз в два, и оба раза она смотрела в потолок и считала трещины.

Мама умерла два года назад. Инсульт, скорая, морг, кремация. Соня удивилась, как легко это выговаривается. Будто не про самого близкого человека, а про эпизод из сериала, который ты пропустила.

На похоронах дальний родственник, дядя Лёша, обнял её и сказал в ухо: «Ну, Соня, теперь ты совсем одна. Надо замуж, а то завянешь». От него пахло коньяком и чем-то сладким, как у младенцев. Соню затошнило.

С тех пор никто её не обнимал. Никто. Даже кошка, которую она взяла из приюта, спала у неё в ногах, а не на груди.

2.

Всё началось с зубной щётки.

Нет, это было бы слишком символично. Началось с маршрутки.

Соня ехала с работы. Июль, жара, в салоне — парное молоко. Рядом стоял мужчина в голубой рубашке с коротким рукавом. Соня смотрела на его предплечье — там был шрам, тонкий, белый, как нитка. Она подумала: интересно, как он это получил. И в тот же момент маршрутка тормознула, и его рука — та самая, со шрамом — уперлась в перегородку прямо над Сониным плечом.

Он её не касался. Между ними было сантиметров десять воздуха. Но Соня почувствовала это как ожог.

Тепло от его подмышки. Запах — не пот, а что-то острое, травяное, как будто он ел сельдерей. И вдруг — совершенно без её разрешения — внизу живота что-то сжалось. Не больно. Просто — отозвалось. Как будто кто-то нажал кнопку, о существовании которой она не знала.

Соня покраснела. Не слегка, а катастрофически — шея, щёки, уши. Мужчина, конечно, ничего не заметил. Он смотрел в телефон. А Соня сидела и думала: «Господи, я сейчас умру. Я сейчас умру прямо здесь, и они меня вынесут, и все увидят, что я мокрая».

Она не была мокрая. Это была метафора. Но от метафоры было ещё хуже.

На следующей остановке Соня вышла, хотя до дома было ещё четыре. Шла пешком по раскалённому асфальту и повторяла про себя: «Это гормоны. Это жара. Это просто химия. Ты — биологическая машина, и в машине иногда что-то замыкает».

Дома она разделась, встала под душ и стояла там сорок минут. Вода была холодной, но кожа всё равно горела. Она мылилась три раза. Терла мочалкой. Пыталась стереть этот отзвук — как стирают карандаш. Не стирался.

Легла в постель в футболке и трусах. Закрыла глаза. И впервые в жизни подумала не о работе, не о маме, не о том, что завтра к врачу. А о том, как бы это было — если бы та

рука в маршрутке опустилась ниже. На её шею. На плечо. На

Соня села в постели. Сердце колотилось.

«Нет», — сказала она вслух.

«Да», — ответило тело.

3.

На следующий день Соня пришла на работу и открыла новую рукопись. Автор — Анна Ветлицкая, бестселлер. Название: «Пока горит свеча».

На тридцать второй странице Соня наткнулась на сцену.

«Он прижал её к стене, и она почувствовала, как его желание упирается в её бедро. „Не бойся“, — прошептал он, и его губы нашли её шею. И в этот момент Лиза поняла, что ждала этого всю жизнь. Ждала — и стыдилась ждать. Но теперь, когда его руки оказались на её груди, стыд куда-то исчез, и осталось только...»

Соня оторвалась от текста.

«Ждала — и стыдилась ждать».

Это было про неё. Точно про неё. Только она не ждала никого конкретного. Она ждала — и стыдилась самого ожидания.

Она взяла красный карандаш и написала на полях: «штампы». Потом зачеркнула. Написала: «точно». Потом снова зачеркнула. Написала: «автор, вам стыдно не было это писать?»

В этом и была проблема. Анна Ветлицкая писала про секс

так, будто это поход в булочную. Зашла, купила, вышла. А Соня — она бы не смогла. Даже подумать не могла без того, чтобы в груди не поднималась горячая волна стыда.

Она вспомнила, как в семнадцать лет одноклассник Миша Звонарёв проводил её до подъезда. Им было по семнадцать. Он был худой, в прыщах, носил толстовку с надписью «NIRVANA». На прощание он сказал: «Ну, давай». И поцеловал её. В губы. Это длилось секунду, может, две. Его губы были сухие, пахли жвачкой «Дирол».

Соня тогда отстранилась и сказала: «Пока». Зашла в подъезд, поднялась на четвёртый этаж, закрыла дверь и заплакала. Не от радости. Не от смущения. От того, что с ней что-то произошло. Что её рот помнит чужой рот. Что она теперь — не та, что была пять минут назад.

Мама тогда спросила из кухни: «Соня, ты чего реवेशь?» Соня сказала: «Ничего, в глаз попало». И с тех пор — ни разу. Ни поцелуя. Ни свидания. Ни даже случайного прикосновения, которое не закончилось бы паникой.

И вот теперь — в двадцать девять — тело сказала: «Хватит».

4.

Соня решила действовать. Не романтично, не поэтично, а по-деловому. Как редактор, который должен закрыть проект в срок.

Она открыла ноутбук и ввела в поисковик: «как понять,

что ты хочешь секса». Выдало двести тысяч результатов. Она прочитала три статьи. В одной говорилось про «либидо как компас». В другой — про «женскую сексуальность после тридцати». В третьей — что «стыд — это подарок патриархата».

Соня закрыла ноутбук. «Патриархат тут ни при чём, — подумала она. — Это мама. Это мама подарила мне стыд, завернула в красивую бумагу и сказала: береги».

Она снова открыла ноутбук. Набрала: «сайт знакомств для стеснительных». Нашла пять. Зарегистрировалась на одном. Фотографию не стала ставить — написала: «Фото по запросу». Возраст указала честный — 29. Профессию — «редактор». В графе «О себе» написала: «Люблю читать. Тихая. Ищу спокойного мужчину для серьёзных отношений».

И удалила аккаунт через десять минут.

Потом снова создала. И снова удалила.

Третий раз создала и оставила. Но не заходила неделю.

Через неделю ей написал мужчина. «Игорь, 34, инженер. Прочитал ваш профиль. Вы очень интересно пишете». Соня не знала, что там такого интересного — три строчки. Но ответила. Они переписывались две недели. Игорь был вежливый, писал грамотно, без смайликов. Рассказывал про работу, про собаку, про то, что любит Чехова. Соня отвечала ему так, как отвечала бы на письмо читателя. Сухо, корректно, с правильной пунктуацией.

Однажды Игорь написал: «Соня, давайте встретимся?»

Есть хорошее место на Патриках».

Соня смотрела на это сообщение час. Потом написала: «Да, давайте. Суббота, 19:00».

И не пошла.

В субботу в 18:45 она стояла у окна и смотрела, как идёт дождь. В 19:00 Игорь написал: «Вы где?». В 19:15: «Всё в порядке?». В 19:40: «Ладно, бывает. Напишите, когда сможете».

Соня не написала. Никогда.

В ту ночь она лежала в постели и думала: «Что со мной не так? Я же хочу. Я же хочу. Я же хотела этого Игоря, или не Игоря, или того мужика в маршрутке, или кого угодно. Почему я не могу просто выйти из дома и позволить, чтобы меня хотели?».

И ответ пришёл — тихий, как всегда приходят ответы: «Потому что если тебя захотят — тебя увидят. А если тебя увидят — тебя оценят. А если тебя оценят — поймут, что оценивать нечего».

Соня заплакала. Тихо, чтобы не разбудить кошку. Кошка, впрочем, и не спала. Сидела в ногах и смотрела на неё жёлтыми глазами. Как будто знала.

5.

На следующий понедельник Соня пришла в редакцию с красными глазами.

Её начальник, Виталик, заметил. Виталик был на десять лет старше, лысый, в очках, с привычкой говорить медленно

и по слогам, как будто каждое слово стоило денег.

— Соня, — сказал он, — вы что-то бледная. Случилось чего?

— Ничего, — сказала Соня. — Просто плохо спала.

— Бывает, — сказал Виталик. — Вы, кстати, ту рукопись Ветлицкой закончили?

— Да. Отправила вчера.

— Молодец. Там, говорят, горячая сцена на тридцать второй странице. Я читал — сам покраснел.

Соня посмотрела на него. Виталик. Лысый Виталик в очках. Покраснел.

И вдруг она подумала — совершенно ясно, как будто это была не мысль, а цитата из книги, которую она давно знала: «Он тоже. Он тоже этого хочет. И он тоже, наверное, стыдится».

Это было открытие. Простое, как «дважды два». Соня двадцать девять лет думала, что похоть — это её личный позор. Что только она одна ходит с этим внутри, как с неоплаченным долгом. А оказалось — все. Все ходят. И Виталик. И Анна Ветлицкая. И мужик в маршрутке. И, наверное, даже её мама — просто мама умела это прятать лучше.

Соня улыбнулась. Впервые за неделю.

Виталик удивился:

— Чего это вы?

— Ничего, — сказала Соня. — Просто подумала, что мне пора домой.

— Так ещё три часа до конца дня.

— Знаю, — сказала Соня. — Но мне правда пора.

Она взяла сумку, надела пальто и вышла. На улице был тот же июль, та же жара. Люди шли мимо — мужчины, женщины, старые, молодые. Соня смотрела на них и думала: «Вы все. Вы все такие же. Вы все хотите и стыдитесь хотеть. Мы одна большая, потная, испуганная очередь».

И это было не страшно. Это было даже — почти смешно.

Соня дошла до метро. Спустилась. Поехала домой.

Вечером она снова зашла на сайт знакомств. Написала Игорю: «Простите, что не пришла. Давайте попробуем ещё раз. В среду?»

Игорь ответил через минуту: «Да. Конечно. Я очень рад».

Соня положила телефон на стол. Кошка запрыгнула ей на колени. Соня погладила её — медленно, от головы до хвоста.

«В среду», — подумала она. И впервые слово «среда» не звучало как приговор.

Продолжение — если хочешь.

продолжай

6.

В среду Соня стояла перед шкафом и чувствовала себя сапёром.

Слева висела «броня»: серые водолазки, свитера с высоким горлом, джинсы, скрывающие форму ног. Справа — «капитуляция»: то, что она покупала в приступами оптимиз-

ма и ни разу не надела. Блузка с запахом, которая предательски топорщилась на груди. Юбка-карандаш, в которой невозможно было сделать шаг шире тридцати сантиметров.

Ей нужно было найти середину. Одежду, которая говорила бы: «Я женщина, у меня есть тело, но я не предлагаю его прямо сейчас, я просто допускаю возможность его существования».

Она выбрала тёмно-зелёное платье из плотного хлопка. У него был глухой ворот, как у пуританки, но короткие рукава, открывающие предплечья. Предплечья — это компромисс. Это не грудь и не бёдра. Это просто руки. «Пусть смотрит на руки», — подумала Соня, натягивая платье. Ткань прошла по коже, и Соня поймала себя на том, что задерживает дыхание,### (чувствуя), как материал облегает талию.

Она подошла к зеркалу. Из стекла на неё смотрела незнакомая женщина. Не красавица, нет. Но и не та серая тень, что пряталась за мамину спину. У этой женщины были бледные плечи, ключицы, которые ходили вверх-вниз при дыхании, и немного испуганные, но живые глаза.

Соня взяла красную помаду. Ту самую, купленную полгода назад и спрятанную на дальнюю полку. Провела по губам. Получилось слишком ярко, как кровоподтёк. Она стёрла салфеткой, оставив лишь лёгкий тинт.

«Сошло и так», — сказала она кошке. Кошка зевнула, показав розовый язык, и ушла на кухню.

Кафе на Патриарших называлось «Сосна и Зонт». Внутри пахло жареным розмарином и дорогим кофе. Соня пришла за пятнадцать минут до назначенного времени, чтобы занять стратегическую позицию: спиной к стене, лицом к двери. Так она контролировала пространство. Так она не давала застать себя врасплох.

В 19:00 дверь открылась, и вошёл Игорь.

В переписке Соня нарисовала его образ: высокий, спокойный, в кашемировом пальто (несмотря на июль), с уверенным взглядом человека, читающего Чехова в оригинале.

Реальный Игорь оказался ниже ростом. На нём была светло-синяя рубашка, которая слегка мялась на локтях, и он почему-то держал в руках сложенный зонтик, хотя на улице было сухо. Он остановился у входа, поправил очки и начал оглядывать зал. У него были обыкновенные, немного усталые глаза и родинка на шее, чуть выше воротника.

Сердце Сони сделало странный кувырок. Не от страха. От внезапного, острого облегчения. Он был настоящим. Неидеальным, немного неловким, живым.

Игорь заметил её, поднял руку — жест получился неуверенным, как у школьника — и подошёл.

— Соня? — спросил он. Голос у него оказался с легкой хрипотцой.

— Да. Здравствуйте, Игорь.

— Извините, я... я чуть не опоздал. Искал, где тут лучше поставить зонт. Хотя дождя нет. Глупо получилось.

Он улыбнулся, и Соня увидела, что у него кривоватый передний зуб. Эта мелочь почему-то окончательно разрушила её панику. Если у человека кривой зуб и он таскает зонт в засуху, значит, он тоже волнуется. Значит, они в одной лодке.

8.

Первые двадцать минут они говорили о безопасном. О пробках на Садовом. О том, что в «Сосне и Зонте» слишком громкая музыка. О том, что Чехов, конечно, гений, но «Душечка» его раздражает.

Соня слушала себя со стороны. Она отвечала связно. Она даже пошутила про корректорскую деформацию: «Я иногда в магазине читаю ценники и мысленно исправляю в них запятые. Кассиры меня ненавидят». Игорь рассмеялся. От его смеха на столе дрогнула вода в стакане.

Но под столом, в тёмной, скрытой от глаз зоне, происходило другое.

Соня остро, до звона в висках, осознавала своё тело. Она чувствовала, как её коленки находятся в десяти сантиметрах от его коленок. Она чувствовала, как зелёный хлопок липнет к спине. Она смотрела на его руки, когда он держал бокал, и думала: «Эти руки. Они могут касаться. Они кого-то касались. Они могли бы коснуться меня».

Эта мысль вызвала прилив жара к щекам. Соня сделала большой глоток холодной воды, боясь, что Игорь заметит, как дрожит её кадык (а был ли у неё кадык? Она не знала, но ей казалось, что он предательски прыгает).

— Соня, — вдруг сказал Игорь, ставя бокал. — Можно я честно?

— Да, конечно.

— Я очень боялся, что вы снова не придёте. Когда вы отменили в субботу, я решил, что я вам чем-то не понравился в переписке. Или что вы передумали. Я сегодня три раза хотел написать и отменить встречу. Сказать, что заболел.

Соня посмотрела на него. Он тёр большим пальцем край бокала. Он стыдился своего страха.

— Я тоже боялась, — сказала Соня тихо. И это было правдой. — Я думала, что... что я вам не подойду. Что я слишком... скучная.

— Вы корректор, — серьёзно сказал Игорь. — Вы видите то, чего не видят другие. Это не скучно. Это... точно.

Он посмотрел ей прямо в глаза. И в этот момент Соня поняла, что «белый шум» в её голове — тот самый гул тревоги, который звучал там все двадцать девять лет — стал тише. Его перекрыл другой звук. Звук его голоса.

9.

Они вышли из кафе около одиннадцати. Патриаршие пруды были тёмными, вода в пруду казалась чёрной и глянцевой. Воздух остыл, и Соня поежилась. Короткие рукава зелёного платья, казавшиеся компромиссом, теперь казались ошибкой.

— Холодно? — спросил Игорь.

— Немного.

Он остановился. Соня тоже остановилась. Они стояли в двух шагах друг от друга. Буферная зона сжалась до минимума.

Игорь не снял с себя пиджак, чтобы накинуть ей на плечи — это было бы слишком киношно и, пожалуй, пахло бы его потом, к чему Соня была ещё не готова. Вместо этого он сделал шаг ближе.

— Дайте я вас провожу до метро, — сказал он. — Тут недалеко.

— Да, давайте.

Они пошли. И тогда это случилось.

Тропинка вокруг пруда была узкой, и в какой-то момент им пришлось разойтись с компанией шумных подростков. Игорь, пропуская их, инстинктивно выставил руку, чтобы Соня не сошла с асфальта в грязь.

Его ладонь легла на её голое предплечье.

Через тонкую кожу, через пульс, через все Сонины защиты и мамин стыд. Его рука была тёплой. Сухой. Немного шершавой на подушечках пальцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.